

ГОРОДСКОЙ ДИПТИХ

1. ПАРК ЧЁРНОЕ ОЗЕРО

Живёшь и печёную осень
подносишь к измятым губам,
а жёлтое крошево сосен
бескрылым хранишь голубям.

Пройдя через Арку влюблённых,
спускаясь за дождичком вниз,
сквозь цепь искалеченных клёнов
ты озера видишь карниз.

И так обрываешься сердцем,
что с тяжким пакетом в руках
торопишься где-то усесться,
у парочки место украв.

Задумчиво и виновато
твой взгляд переулку открыт –
Пассажу киваешь приватно,
рассыпав по лавке дары.

И Чёрное озеро примет
(пока ты ещё не домок)
заветное тление «примы»
и пива ершистый дымок.

Вот так вот – сидишь на скамейке,
корнями ушедшей в погост,
а годы проносятся мельком
в аллеях, где ты произрос;

где бегал на лыжах и с горки
ледянками мучил асфальт,
где летом от корки до корки
читался мячами офсайд;

где в марте, отважный и робкий,
в стремнине коварного льда
на досках хоккейной коробки
ты плыл неизвестно куда...

Сидишь и под баночку пива
печёную осень жуёшь –
и вроде не так уж тоскливо,
и даже как будто живёшь.

2. ПАРК ГОРЬКОГО

Крутишь колесо обозрения,
поставив мгновенья на чёт –
и выпадет день озаренья,
и сердце стихом пропечёт.

За корочкой тёплого неба,
упрямо карабкаясь ввысь,
ты колокол высмотри слепо
и словом его вдохновись.

Взмывай над тропею овражьей
и над стадионом Труда,
пиши, как заходится в раже
в разбитом фонтане вода,

о старой канатной дороге,
детьми изнуряющей пляж,
и летнем кафе на отроге,
взрезающем беличий кряж.

И пусть уничтожена местность,
но там, где аллеи свежи,
всё так же гранитно известный
солдат неизвестный лежит.

На вечном огне отогреешь
военную память отца
и горькие звёзды хореев
украдкой прогонишь с лица.

В захлёбе, мятущейся птицей,
в себе прорастив голоса,
захочешь на землю спуститься –
а нет под тобой колеса.

КРУТУШКА

Где Казанка волной одичалою
в камышовой кайме берегов
шестилетнего манит учарова
на крючок нарыбачить улов;

там, где в песнь безымянного озера
от тарзанки срывается крик,
и в песочную воду бульдозером
зарывается детство на миг;

там, где тучами небо зашторили,
но в просвет пропустили грозу,
а потом на столбах санатория
растянули сушиться лазурь;

там, где шахматный конь полусъеденный
старичка вдруг в атаку понёс,
но в гамбит развернулся обеденный,
променяв перевес на овёс;

где к огням пионерского лагеря
навесной устремляется мост,
и коты под Котовского наголо
расцехляют зазубренный хвост;

в ярких отсветах солнца закатного,
подрезающих соснам верхи,
где был мамой и папой загадан я,
там теперь ворожу на стихи.